

Живет в Москве (Россия).

Майская зарисовка

Вдруг опять жара. И тогда из райских
кущ, сквозь душную скуку майских,
выбегают евы в коротких майках
(уж адаму штырит штаны штыком).
На бульварах - банки, бычки и пробки;
дальше - юбки, губки, коленки, попки;
а Москва скулит, продираясь в пробке
в свой эдем за баней и шашлыком.

И, пыхтя, до ночи ползет на дачи,
закупив бухла, получив на сдачу
с ледяных ночей и судьбы собачей,
за неладный крой и холодный край -
под конец весны призовое время
поливать цветы и засыпать семя
(то есть, просто трахнуться всем со всеми),
вдоль оград у грядок играя в рай.

По ступенькам сходит господь Ярила,
обивая ражим ..ём перила.
Пробудясь, в подкорке ревет горилла,
очумело чуя со всех сторон

шабаш юных муз, - хоть пляши, хоть падай! -
у которых бедра звенят ламбадой.
Но извечный дачник в трусах с лопатой
возвращает нас в страну похорон.

Ежегодный рай в родовом бунгало:
заседать кагалом вокруг мангала,
рвать хлопушки и заливать моргала,
повторяя вновь "хорошо сидим".
Что тут можно делать? Наверно, клево
попасть на праздник шоссе Рублево -
или враз нажраться в кустах до блева,
протестуя против полярных зим.

Вот такой наш рай - в том краю, в котором
век за веком время идет с повтором.
Где всегда найдешь над пустым простором:
по середке верно стоит тюрьма.
И всегда за этим глухим забором,
где чекист на вышке стучит затвором,
кто-то смотрит в клетки ослепшим взором,
об осколке мая сходя с ума.

Homage to Joe Brodsky

Пекло июля. Одурь. Морок и лень.
Пиво в разлив весь день, но спасенья нету.
Как бы раздеться, смыться, свалиться в тень?
лучше всего просто сменить планету!
В потном метро парад полумертвых шпрот -
те, кто остались. Заморенный город замер.
Новости только из жизни тюремных камер
(что, впрочем, вполне типично для жарких широт).
В подышающий город не поступает кислород.

Это дурное лето, бесконечные дни!
Наконец наступет ночь, и, в конец измокнув,
многомачтовый город, включив огни,
шелестит парусами штор в растворенных окнах,
будто готовясь к отплытью. Но
ничего не дует. И незачем ждать, томиться,
вспоминать, любить. Асфальт в темноте дымится,
и куда не двинешь - везде одно.
Этот город идет на дно.

Слишком жарко, чтоб что-то помнить. Вот это тот

несомненный плюс, что имеешь, живя в июле.
То есть, то, что касается рыжеволосой Юли -
я ее забыл. И на щеки стекает пот,
а не слезы сердца из ледяного ока.
А замученный город стонет, разинув рот,
распахнувшийся в тыщу горящих орущих окон,
и хрипит во тьме. Но нельзя вздохнуть
Город продолжает тонуть.

В это время лучше торчать в Крыму, убежав тайком
ото всех. Без гроша, но с рыжеволосой Лидой.
И кормиться из рук господних - сухим пайком
золотой пыльцы, от души разлитой
там везде - по лазурным волнам, по волосам,
пресловутых любезных Юлий и юных Лидий.
Собирать из прибоя звезды и спящих мидий -
тех и есть, поджарив. И так, чтоб сам
был молодым. Говорят, что теперь там хлам,

что никто не хочет больше туда к хохлам.
Говорят, что теперь надо ездить греться
дальше - до Турций или до Греций,
до Египтов; и что у них еще там
есть? Да и Лида, добавим, прям уж,
не юна. Стала взрослой и, кажется, вышла замух,
уж, наверно, детей не счесть -
типа, пять или шесть.

Что касается разных Турций - то верно, да;
там есть тоже прибой и небо в жемчужных звездах.
Но тот берег, который помнишь, ушел туда,
где из всех аквалангов разом выходит воздух.
Распростертый город корчится Кольцевой,
тысячеглазым спрутом на раскаленной суше,
и когда отступает жара, ночь доносит в уши
некий невнятный гул. Еле слышный вой
поднимается вверх от остывающей мостовой

через стены и крыши. Как направляя в ночь
некий нечеловечий предсмертный выдох
спрута о всех осьминогих юлях, аннах и лидах,
юных днях и проч. Но в крови точь-в-точь
отвечает такой же гул. Потому что это
и есть настоящий язык поэта;
прежде Будды и Веды, Гомера с Эддой.
Изначальный скрежет немой беды

в реве рыбы, выброшенной из воды.*

**Прим.:*

Текст никак не связан с текущими крымскими событиями и был написан, когда это все и в самом страшном сне не могло присниться.

Общество спектакля

Зал битком. Начинаем. Иди же сюда.
Не тревожься, тебя не казним без суда -
суд на месте:
две мартышки, шишига и хряк молодой,
плюс козел в адвокатах трясет бородой;
все по чести.

Вот выходит на сцену нарядный народ
в честь тебя, протестуя, водить хоровод.
(Все. Спасибо.)
Вот навстречу бегут тридцать три казака
поплясать гопака и намять им бока -
тож красиво.

Вот на пышном манеже в сиянье огней
заседает сенат говорящих коней;
доктор права,
сивый мерин, придумал закон о-го-го!
содержаньем таким: "И-го-го, и-го-го".
Браво, браво!

Что, подмостки гнилы? что, актеры спились?
погляди, как выходят герои на бис -
куклы, звери!
Нас упырь с бородой осеняет крестом -
пусть теперь Станиславский потычет перстом!
мол, не верю!

Ну и ты, дорогой, хорошо отыграл.
Остается за сценой пустячный финал -
там расстаться,
где тупым тесаком палачу-дурачку
твою хватит размаха оттяпать башку.
Дальше танцы.

